

МИХАИЛ
ПРИШВИН

Зеленый шум

Annotation

В сборник «Зеленый шум» известного русского советского писателя М.М. Пришвина (1873–1954) вошли его наиболее значительные произведения, рассказывающие о встречах с интересными людьми, о красоте русской природы и животном мире нашей страны.

- [Михаил Михайлович Пришвин](#)
 -
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Михаил Михайлович Пришвин

Гусек

В старые времена это было: теперь я старик, а был я тогда мальчишкой.

Земляки мои – большие любители перепелиного крика. Повесят себе, бывало, у окна лубяную круглую клетку с перепелом и наслаждаются, а тот-то разливается:

– Пить-полоть!

Не раз, проезжая рыбными рядами, видал я, как на утренней заре, обнажив волосатую грудь, слушает купец своего голосистого.

А тот-то старается! Вот как дует, что в соседнем железном ряду ведра звенят.

И не раз приходило мне в голову: почему бы не съездить землякам в поля, не полюбоваться на свободных птиц, как они, бороздя утреннее поле, ищут и кличат себе подругу:

– Пить-полоть!

А та тюкает тихо и скромно:

– Тюк-тюк!

Потому не идут купцы в поля, что любят голоса своих собственных перепелов. Каждый купец гордится своим перепелом. Вот, думает, нынче мой перекричит соседского! А, глядишь, соседский-то в железных рядах перекричал. Хотел вырыть яму ближнему, а и сам в нее попал. Так от века спорят у нас рыбные ряды с железными, и до сего времени неизвестно, чьи перепела сильнее.

Когда-то я думал, как и многие, что все перепела кричат на один лад.

– Во-наа! – сказал мне один охотник, по прозвищу Гусек. – Вона, на один лад! Да знаешь, братец ты мой, голосистого перепела верст за двадцать слышно. А ежели он на поповом огороде треснет или у Горелого пня, так ты, братец.

– Что, Гусек?

– Ножками брыкнешь, вот что, милый.

Перепела в поле разные; хорошие – редки; вот почему сидят купцы в железных и рыбных рядах. Разве-разве залетит когда в поле какой-нибудь звонкий, – и двинутся почтенные люди в поля.

– В прежнее время, – рассказывает Гусек, – к нам купцы в каретах

съезжались с женами слушать голосистого.

– В каретах? – сомневаюсь я.

Но Гусек не выносит сомнений. Тащит меня за рукав в избу. А в избе у него всякие птицы: тут и петух-драчун, и курица кахетинская, и скворец-говорец, и соловей-певец, и голуби-космачи, и голуби-вертуны, и куропатка ручная, а перепелов! Всякие есть. Но Гусек подводит к любимому, открывает клетку.

– Люб ли тебе?

– Серенький.

– Вот то-то и горе, мой милый, что серый. Настоящий-то купеческий – белый.

– Белый?!

– Как бумага. Не веришь? – покажу. Сам, своими глазами видел. Приходи на вечернюю зорю к Горелому пню.

С тех пор – не помню, сколько уж лет, – мы ловим с Гуськом белого перепела.

Во что бы то ни стало хочет старик поймать белого, продать его купцам и купить хороший тульский самовар. И постарел Гусек! Раньше серый – побелел, и порыжел, и позеленел, и опять посерел. Но не потерял старик надежды, и зимой на гулянках, когда соберутся к нему соседи, заведет такую историю про белого перепела, что пчелы в подполье гудят, соловей-певун запеваает, скворец говорит и, не моргая, слушает на шесте плотный ряд турманов и космачей. Слушают и думают: «Красно говорит, а самовара не выдумает. Нет того, чтобы гостей чайком попоить».

Выхожу я вечером к Горелому пню. Смеркается. Едет мужик в ночное, будто черный парус плывет по зеленому морю. Заяц зачем-то плетется на попов огород. Лягушки-квакушки стихли, зато лягушки-турлушки завели трель на всю ночь. Кукушки охрипли и смолкли. Черный дрозд пропел. А перепела все не кричат.

– Рано?

– погоди, – шепчет Гусек. – Слышишь: соловьи еще зорю играют, а дай стихнуть.

– Закричат?

– Во-на!

Гусек шепчет свое «во-на» совсем на перепелиное любовное токование «ма-ва».

Стихают один за другим соловьи.

– Чмок-чмок! – И конец.

И кажется – звенит тугая струна.

– Жук?

– Жук прожундел. К чему-й-то много жундит жуков! – шепчет Гусек.

– К чему?

– Да бог его знает, к чему. Молчи!

Гусек нюхает табак. Сегодня табак у него сухой, – завтра будет погода отличная. А будь он сырой, Гусек не сказал бы «молчи», а – «молчите». «Ты» – знак нашего охотничьего союза.

Молчу. Но лягушки-квакушки отчего-то вдруг проснулись, взгомонились и заглушили лягушек-турлушек.

– Куа-куа! – передразнивает недовольный старик. Квакушки замолчали. Заголосили девки в деревне.

– Эк вас!

Собаки залаяли.

– Пропадите вы пропадом!

На колокольне сторож ударил. Глянула на небе первая звезда. Пахнуло от озими рожью. Пала роса. Тогда-то, наконец, по всему росистому полю, от попова огорода и по наш Горелый пенёк, будто кто-то невидимый хлопнул длинным-предлинным арапником: крикнул перепел.

– Голосистый, белый?

– Купеческий!

И тихо, как полевые звери, крадемся мы по росистому полю вниз, к оврагу и на ту сторону, к попову огороду.

Старик на колокольне еще звонит, и еще я нахожу в уголку небес молодую звезду, и еще, и еще.

Голосистый не шутит: бьет – в ушах звенит. Самка молчит. Берет опаска: тюкнет не вовремя. Расстелить бы и оправить поскорее сеть. Слава богу, молчит; чуть копается в своей темной лубяной клетке, обвязанной бабьим платком. Сытая она теперь и довольная: перед ловом Гусек напоил ее для чистоты голоса теплым молоком.

Зовет голосистый. Самка молчит под сетью в пахучей росистой ржи.

Осторожно берет Гусек свою кожаную, с мехом гармоники, тюкалку и тюкает. Когда самка молчит, необходимо подтюкнуть:

– Тюк-тюк!

И наступает последний решительный миг. Самка взяла:

– Тюк-тюк!

Если бы можно было теперь съежиться в маленький комочек, как перепел, и притаиться под глудкой.^[1] Если бы уйти по самое горло в землю и покрыться краешком сети!

И загорелось же там, у голосистого перепела. Мечется он по полю,

выбегает, как мышь, на межу, поднимает головку, смотрит под стеблями. И опять в рожь, и со всего маху:

– Пить-полоть!

А она в ответ тихо:

– Тюк-тюк!

Но ему ли отвечает она? Ведь теперь по всему полю кричат перепела.

Она отвечает ему, конечно, ему.

Он егозит на рубеже. Поднимается на цыпочки: нет, не видно. Он мечется и лотошит, перескакивая с глудки на глудку. Пробует взобраться на сухой татарник – колко. На прошлогоднюю полынь – гнется. Хочет крикнуть – голос пропал: вместо прежнего звонкого «пить-полоть» – хриплое и неслышное, страстное «ма-ва».

– Тюк-тюк! – отвечает она.

Он хлопает крыльями о сырые темные комки и больше не слышит земли под ногами. Куда летит? Бог знает! Свет велик.

Позади роса. Вверху звезды. Впереди месяц. Внизу пахучие росистые озими.

– Летмя, летмя! – шепчет Гусек, сгибаясь над сетью в три погибели.

Хочет уменьшиться – и не может. Хочет быть, как перепел, – тесно. И чудится старику, будто четверка белых коней мчит из оврага карету на зеленое поле. Едет купец, не глядит, что топчет чужие поля: у него ли не хватит денег! Вот остановился. А Гусек будто открывает дверцу:

– Ваше степенство, извольте слушать: кричит!

Кричит белый перепел. Задумался купец в карете, забыл свои счета, кули, мешки, трактиры и мельницы. Загорелось сердце.

– Поймай, Гусек, христа ради!

– Сию минуту, – отвечает Гусек, – не извольте беспокоиться. Самка у меня хорошая! Молочком ее тепленьким поил для голоса, для чистоты. Для вас старался, вас ждал. Сию минуту.

И будто уходит Гусек и возвращается с перепелом.

– Ваше степенство, извольте!

– Белый?

– Так точно, ваше степенство. Купеческие перепела – белые.

– Что же ты хочешь за белого?

– Сколько пожалуете.

Озолотил купец старика. Мчится в своей карете на белых конях с белым перепелом целиной по полям, по оврагам, по мужицким и поповским огородам.

И чудится старику из своего собственного самовара поит он всю

деревню и рассказывает бль о праведном купце и белом перепеле.

Перепел летит. Куда летит? Бог знает. Свет велик.

И вдруг упал возле сети. Шуркнул в зеленях, шепчет страстно:

– Ма-ва!

– Тюк-тюк! – отвечает она.

– Иди, иди, любезный перепел! – замирает у нас сердце.

Он ходом идет, шевеля верхушками озимых стеблей. Перед самой сетью плешинка, вымочина, рожь едва-едва прикрывает его. Он останавливается, боится. Может быть, видит уже, что тут, в десяти шагах, согнувшись над полем, сидит другой, огромный перепел, и отблеск зари зловеще сверкает на его голом перепелином носу.

– Видит или не видит? – замирает у нас сердце.

Не видит. Идет напролом. Последнее «ма-ва», последнее «тюк-тюк», и рожь шевелится под сетью возле самой клетки.

Теперь самка высунула свою серую головку из лубяной темницы в окошко, где привязана фарфоровая чашечка для питья, а он тоже у чашечки. И глядят друг на друга: очи в очи, клюв в клюв. Густые озими пахнут, призывают: разбей, голосистый белый перепел, лубяную темницу, – думать тут нечего!

Где тут думать! Он ерепенится, хохлится и бьет грудью и крыльями о сухой лубок.

Час пробил: пора!

Мы встряхиваем сеть. Перепел висит в петле, как раз против стаканчика с водой, где он только что видел склоненную головку. Не упустить бы только теперь! Не ускользнуло бы из рук его тепленькое бьющееся тельце!

Голосистый туго завязан в мешочек из-под проса. Полевая песня его спета. Теперь он будет петь в рыбных или железных рядах, услаждая купеческое ухо.

Мы, мокрые от росы, шагаем по полю домой; будто два водяных переходим из озера в озеро.

Церковный сторож давно отзвонил. Давно уже небо покрылось звездами. Месяц взошел. И тысячи маленьких земных звезд засияли на стеблях озими, на сапогах, на чекмене, на бороде у Гуська, на завязанном мешке, где во тьме притих голосистый. Все птицы притихли. И лишь лягушки-турлушки ведут свою вечную трель от вечерней зари и до утренней.

Дома при огне мы хотим полюбоваться драгоценной добычей, пересадить из мешочка в клетку. Развязываем, вынимаем.

– Во-на!

– Что ты, Гусек? Покажи!

– Серый! – качает головой Гусек. – Опять мимо капнуло: русака ловили.

– Что это? Или совсем на свете нет белого?

Тускло горит керосиновая копчушка в избе старика. Спит петух-драчун, спит соловей-певун, спит скворец-говорец, спит плотный ряд космачей и турманов на шесте. Нет купеческого перепела, нет у Гуська тульского самовара.

Каждую весну ловим. Поймаем – будет у Гуська самовар; нет – так позабавимся.

Но уж когда-нибудь да настанет наша весна, серые, серые, а тут вдруг да и выскочит беленький.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

1

Глудка – комок земли.